

Я увидел ее первым. И теперь, если дело дойдет до следствия, если дело дойдет до суда, я скажу прокурору: «Она мечтала стать балериной. А пока ходила в среднюю школу. Я увидел ее первым. Не Янек. И он захотел мне отомстить». Я звал ее Миреле: она разрешала мне. Для всех прочих, чужих и своих, исключительно Мира, Мириам. Характер у девчонки — железный. Руки и ноги — длинные. Волосы — медная проволока, завивающаяся в тугие спирали. Три раза в неделю я видел ее мчащейся на балет: холщовая сумка с трико и пуантами переброшена через плечо, голова высоко вздернута — невидимый воздушный шарик привязан к кончику острого подбородка. Ступни с вывернутыми наружу носками опережают тело, перенося через сугробы, охапки опавших листьев и покрытые льдом лужи на тротуарах Города. Мы познакомились несколько лет назад. Я сидел на диване в гостиной, свет едва пробивался сквозь кружевные занавески, и потертая темно-синяя обивка кресел была покрыта полуденным мраком. На улице сияло солнце, а дом окутали прохлада и тишина. Не слышно ни проезжающих машин, ни пения скворцов в саду. Гул колоколов в моей голове ненадолго стих. Он порядочно меня доставал. Представьте, что в вашем доме гудят водопроводные трубы. Когда вы открываете воду, гул утихает, и становится легче думать. Но стоит перекрыть поток, как он возвращается с новой силой, похожий на нетерпеливого слона, бьющегося об ограду вольера в зоопарке. Слон голоден, его измучила жажда, но никто не слышит его скорбных стонов. Никто, кроме меня. Я читал учебник по шахматам, старательно отмахиваясь от надвигающегося гула. Раздался звонок. «Герман, не будь занудой! — Йоц, мой друг, орал в телефонную трубку. — Мы с ребятами встречаемся у кинотеатра в пять, подходи». У Йоца есть свобода, а у меня только звон в ушах и расшатанные нервы, которые надо держать в узде. «Мне надо разобрать пару партий, турнир на следующей неделе», — сказал я. Отец не велит гулять после школы. Он считает, я не должен шататься по Городу с друзьями. Безделье вредит голове. Повесив трубку, я стал пялиться в пустоту и представлять, как Йоц и остальные одноклассники пьют газировку и развлекаются, а их белые зубы в брэкетах отсвечивают на солнце клавишами фортепиано. Поскрипев зубами и вцепившись пальцами в обложку, с места не двигаюсь. Ослушаться отца — грех.

Translation

I was the one to see her. And now, if it ever comes to an investigation, a court, I'll tell a prosecutor: "Her dream was to become a ballerina. Mean while she went to high school. I was the one to see her. Not Janek. And he wanted revenge." I called

her Mirelle: she allowed me to. For all the rest, strangers and not, she was Mira, Miriam alone. The girl's character – strong. Arms and legs – long. Hair – curling in tight spirals copper wire. Three times a week I saw her rushing to ballet: her canvas bag with a leotard and points slung over her shoulder, her head held high – an invisible balloon tied to the tip of her pointed chin. Her feet with toes turned inside out are getting ahead of her body, carrying her over the snowdrifts, the armfuls of fallen leaves and frozen puddles on sidewalks of the City. We met a couple of years ago. I sat on a sofa in the living room, the light hardly coming through the lace curtains, and shabby dark-blue upholstery of the chairs was covered with an afternoon gloom. The sun shined brightly outside, but the house was wrapped up with the coolness and silence. There was no sound, neither of the passing cars, nor of the singing starlings in the garden. A hum of the bells in my head had died away for a while. It had been bugging me pretty much. Imagine water-pipes droning in your house. When you turn the water on the drone dies away and it gets easier to think. But once the flow is cut off, it comes back with renewed vigour, like an impatient elephant hitting an enclosure fence in the zoo. The elephant is hungry, thirsty, but no one can hear his sorrowful moan. No one but me. I was reading a chess manual trying hard to brush aside the drawing hum. I got a phone call. “German, don't be a bore! – my friend Yots was shouting into the receiver. – I am meeting our guys at the cinema at five, you should come”. Yots has a freedom, while I have the ringing in my ears and shattered nerves, which need to be kept in check. “I need to analyze a few games, the tournament is next week”, - I said. My father tells me not to go out after school. He thinks I should not roam the City with my friends. Idleness harms the head. When I hung up, I started staring into an empty space and imagining Yots with other classmates drinking soda and having fun, their white teeth with braces gleaming in the sun like the piano keys. Having gritted my teeth and grasping the cover with my fingers I don't move. Disobeying my father is a sin.